

2000 год

СОКОЛОВ ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Родился в 1919 году в с. Петрушино Скопинского района Рязанской области (ранее — Епифанского уезда Тульской губернии). Учился в сельской школе, среднюю закончил в Москве в 1936 году. В том же году поступил на исторический факультет МИФЛИ им. Н. Г. Чернышевского. В 1939 году, окончив три курса исторического факультета, перешел на философский. Не смог его окончить в связи с началом Великой Отечественной войны и призывом в Красную Армию в июле 1941 года. Окончив полковую зенитную школу, в октябре 1941 года стал командиром орудия в 694-м истребительном противотанковом полку; в ноябре 1941 года принял участие в боях за Москву, в декабре был награжден орденом Красного Знамени. В июле — августе 1942 года в том же полку на Воронежском фронте участвовал в отражении танковых атак и был награжден медалью «За отвагу», орденом Отечественной войны 1-й степени (1985). После тяжелого ранения и излечения в госпитале вернулся в Московский госуниверситет им. М. В. Ломоносова, куда МИФЛИ влился в эвакуации в декабре 1941 года, и в июне 1943 года окончил философский факультет. Учился в аспирантуре кафедры истории

западноевропейской философии, в 1946 году защитил кандидатскую диссертацию.

В 1946—1947 годах — научный сотрудник Академии общественных наук при ЦК ВКП(б). В 1947—1950 годах — старший редактор Издательства иностранной литературы при СМ СССР. С сентября 1950 года — преподаватель кафедры истории зарубежной философии МГУ им. М. В. Ломоносова. В 1952—1954 годах был командирован в КНДР в период военных действий; правительством республики награжден орденом Государственного Знамени 2-й степени.

В 1962 году В. В. Соколов защитил докторскую диссертацию «Философия Спинозы и современность». С 1963 года — профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ. В течение пяти семестров он читает общие и специальные курсы, ведет семинары по всем периодам зарубежной классической («домарксистской») философии.

Подготовил 42 кандидата философских наук.

Им опубликовано более 250 научных работ, в том числе девять книг — монографических и учебных, написаны брошюры, главы в книгах, многочисленные статьи и рецензии. В 1986 году за книги «Философия Спинозы и современность», «Средневековая философия», «Европейская философия 15—17 вв.» ему присуждено звание лауреата Ломоносовской премии 1-й степени. В течение последних десятилетий книги В. В. Соколова служат основными учебными пособиями для студентов, аспирантов и преподавателей.

Много лет работал совместителем в Институте философии АН СССР, был одним из руководителей библиотеки «Философское наследие» и серии «Памятники философской мысли».

Профессор В. В. Соколов — один из ведущих историков философии России, пользующийся большим авторитетом в кругах философов-профессионалов и философской общественности.

МОЯ РАБОТА НА ФИЛОСОФСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ В ПРЕДВОЕННЫЕ И ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

В довоенные времена философский факультет Московского института истории, философии и литературы был сравнительно невелик. Прием 1938 года (в 1936-м и 1937-м приема не было), на моей памяти, насчитывал 70—80 студентов (в их числе В. Ж. Келле, А. В. Гулыга, С. Ф. Микулинский, В. А. Карпушин, Л. А. Безыменский, А. П. Серцова, И. П. Головаха и др.). Таким же примерно был и прием 1939 года (Д. П. Горский, И. С. Нарский, П. В. Копнин, С. Ф. Анисимов, Ф. Х. Кес-сиди, А. П. Петрашик, М. Б. Туровский и другие). Окончив три курса

исторического факультета МИФЛИ, я в 1939 году перешел на философский (за год до меня в 1938-м туда же перешли с истфака А. Т. Арзаканян, П. М. Егидес, Ю. Д. Карпов и другие), сразу на второй курс, поскольку многие предметы учебного плана философского факультета были сданы мною на историческом. Научно-педагогическое содержание учебных планов на последнем, как мне стало ясно вскоре после перехода на философский, было явно выше, чем на новом для меня факультете. На истфаке преподавали солидные профессора и академики, получившие образование в гимназиях и университетах еще в дореволюционные времена, — Ю. В. Готье, В. С. Сергеев, В. И. Авдиев, Н. А. Машкин, Е. А. Клеминский, С. Д. Сказкин, А. И. Неусыхин и другие. На философском можно было сравнить с ними историков философии Б. С. Чернышева и Д. Ю. Квитко. Учебный план был насыщен здесь предметами естественноведческого цикла: математика, физика, химия, биология (и дарвинизм), физиология органов чувств. Гуманитарный включал всю историю, различные курсы истории литературы, языковедение, но слабо было поставлено преподавание языков. Довольно много было политэкономии и, конечно, истории партии. Показательно, что совсем не было логики (лишь незадолго до войны две-три эпизодических лекции прочитал приглашенный для этого В. Ф. Асмус, работавший в Институте философии и на кафедре философии Литературного института им. А. М. Горького). Диалектический и исторический материализм, считавшийся профилирующим предметом (его заносили в диплом), преподавался А. П. Гагариным, Д. А. Кутасовым, Ф. Х. Хасхачик (некоторые молодые преподаватели и аспиранты вели семинарские занятия). В целом преподавание этого предмета было догматически заурядным и, конечно, весьма политизированным комментарием к работам Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. История философии с самого начала представляла для меня основной предмет теоретического притяжения. Ее позитивное содержание фактически исчерпывалось классическим периодом, включая формирование философии марксизма до «Коммунистического манифеста». Далее следовал диалектизм как единственно научная философия. Современная ему западная философия укладывалась в семестровый курс «Критика буржуазной философии XIX—XX веков».

Война прервала учебу студентов приема 1938—1940 годов. Лишь немногие из них эвакуировались в Ашхабад, где в декабре 1941 года МИФЛИ был влит в МГУ. Множество студентов философского и других факультетов в первые же дни войны записались добровольцами в армию и различными группами были призваны в июле-августе. Я оказался в группе из нескольких десятков ифлийцев (с философского, кроме меня, в ней были В. Калацкий, А. Ильинский, В. Куницын). Всех нас направили в 139-й зенитный запасной артполк, квартировавший в Бронницах. Примерно два месяца мы осваивали здесь зенитные орудия и где-то в середине сентября были переброшены в Москву. Большинство курсантов и стали зенитчиками. Однако трагический прорыв немецких войск в Подмоскovie в октябре 1941 года потребовал формирования противо-

танковых истребительных полков из зенитных орудий. Я, как и несколько других студентов-ифлийцев, стали командирами орудий в 694-м противотанковом истребительном полку. В середине октября мы прибыли на Волоколамское направление (16-я армия Рокоссовского). В течение нескольких дней мы осваивали дополнительную квалификацию: метание тяжелых противотанковых гранат (кусоч тола в жестяном корпусе, куда вставлялся запал) и бутылок с горючей смесью (почему-то в дальнейшем эту смесь стали называть «коктейлем Молотова»).

В Бронницах и Москве мы в общем знали об отступлении наших войск, но только прибыв под Волоколамск, от усталых и изможденных солдат и офицеров, вырывавшихся и выходивших из «Вяземского котла», нам стали очевидны огромные масштабы нашего поражения.

В октябре — первой половине ноября мы действовали по зенитному назначению, стреляя по немецким самолетам. Но около середины ноября, когда было установлено предстоящее наступление фашистов на Москву (операция «Тайфун»), наша 3-я батарея заняла позиции на танкоопасном направлении на окраине деревни Горки. Здесь произошел налет минометных снарядов, и, весьма загадочно, все они попали в дом, в котором находились командир и комиссар батареи и двое командиров огневых взводов. Все они оказались ранеными, руководить боем не могли и были эвакуированы. Однако все четыре командира орудия со своими расчетами заняли боевые позиции. Мы видели, как на окраину ближнего леса выходили танки и накапливались сновавшие между ними автоматчики. Их подготовка к броску дала нам некоторую паузу. Из штаба батареи удалось связаться со штабом полка (в соседней деревне), откуда тут же прибыл его комиссар Ф. Бочаров и заместитель командира полка Королев, которые и приняли на себя командирование батареями. Когда танки начали покидать лесную опушку, мы открыли по ним огонь из своих скорострельных орудий (каждая обойма состояла из пяти снарядов). Видны были попадания в танки, отпрыгнувшие вместе с автоматчиками и пехотой под покровы деревьев. Мы продолжали стрелять, но с немецкой стороны полетели десятки минометных снарядов. Были разбиты первое орудие (им командовал ифлиец А. Налдеев) и третье (сержанта Байкалова). Убит был и замком полка Королев. Мое орудие уцелело, но осколком оно было заклинено. В течение новой паузы, по-видимому, использовавшейся немцами для перестройки, удалось прицепить его к автомашине и эвакуировать в близкий лес (противоположный «немецкому»). Комиссар Бочаров приказал моему расчету ползком отступить к четвертому орудию. Оно было поставлено на самом краю Горок, между домами, как бы в засаде. Мы с гранатами, бутылками и карабинами заняли оборону вокруг этого орудия. Последовал новый мощный минометный огонь по первым трем орудиям, которые уже были выведены из строя. Считая, что сопротивление полностью подавлено, немецкие танки вышли на открытое поле, чтобы занять деревню, наши несколько автоматчиков (взвод разведки) схватились с немцами. Танки же, подойдя к нам вплотную, напоролась на

кинжальный огонь четвертого орудия, о котором они даже не подозревали. Великолепно стрелял основной наводчик (по горизонтали) ифлиец Ефим Дыскин. Одни танки загорались, другие вертелись с перебитыми гусеницами и как-то переползали на деревенскую улицу. Стрельба по ним из карабинов была бесполезна, и комиссар, командовавший теперь четвертым орудием, приказал поджечь два из них бутылкой. Я взял ее, а боец моего расчета подал мне запал, но в напряжении — от гранаты. Бутылка разлетелась вдребезги, лицо обдало дымом (запал в такой жидкости, естественно, взрыва не дает и не воспламеняет ее), а два-три осколка легко поранили лицо. Протерев его рукой, я увидел нужный запал, вставил его в гранату и бросил ее, попав только в гусеницу. Танк как-то дернулся и остановился. Все это время четвертое орудие продолжало стрелять по подходившим танкам (семь из них остановились, два-три загорелись).

Однако теперь мы были обнаружены, и нас засыпали минами. Упал замертво левый наводчик (по вертикали), а правый, Дыскин, получил (как выяснилось вскоре) четырнадцать осколков в спину. Орудие было повреждено, снаряды кончились, и комиссар приказал отступить в близкий лес. Вся наша небольшая группа побежала туда, Дыскин упал, и я наклонился к нему, сделав попытку его приподнять, но он, собрав силы, быстро, к моему удивлению, поднялся на ноги и догнал удалявшуюся группу (за этот бой он был представлен к званию Героя Советского Союза).

Новый танк, появившийся на улице деревни, ударил по нашей группе, но снаряд попал в маленькую кузницу, стоявшую на самой опушке леса. Прорвавшиеся автоматчики, преодолев наших, поливали нас трассирующими пулями. Инстинктивно я упал и по привычке, приобретенной еще в деревенском детстве, покатился катком и выкатился в лес.

В штабе полка в Мамошине я собрал свой расчет. Удалось вывезти и мое орудие, но оно нуждалось в ремонте. В дальнейшем до начала декабря мы стреляли лишь по самолетам, уже из орудий чужих батарей.

После переформирования в Коврове мы получили мощные противотанковые орудия (76-миллиметровые с пламягасителями). В отражении танковых атак наш полк участвовал уже на Воронежском фронте в июле-августе 1942 года. При очередном минометном налете я был тяжело ранен в бедро и эвакуирован в госпиталь на Волгу.

За бой 18 ноября 1941 года я был представлен к ордену Красного Знамени, за бои летом 1942 года — к медали «За отвагу».

Прооперированный в госпитале, получив полугодный отпуск (на долечивание), я к началу 1943 года вернулся в Москву. Восстановился на философском факультете, теперь уже в МГУ. Здесь занимались две небольшие группы, составлявшие третий и четвертый курсы из числа студентов, не эвакуировавшихся в Ашхабад (М. Б. Туровский, А. П. Петрашик, П. В. Колнин, А. Козаченков, В. Романов, А. Гарева, Н. Новожилова и другие). Как сдавшему многие предметы на истфаке МИФЛИ мне разрешили свободное расписание. Сдав все предметы учебного плана и пять государственных экзаменов (дипломных работ учебный план не предусматривал), я в июне 1943 года в единственном числе составил выпуск философского факультет МГУ этого года.